

Массон Валентина Викторовна

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КНИГИ И. А. ГОНЧАРОВА "ФРЕГАТ "ПАЛЛАДА""

Статья раскрывает этапы в истории изучения книги И. А. Гончарова "Фрегат "Паллада"". Выделяются четыре периода: вторая половина XIX века; дореволюционная мысль и литература русского зарубежья; советское литературоведение; постсоветская мысль. Обращение к разным интерпретациям позволяет проследить, как происходит формирование литературоведческого взгляда на текст писателя, а также сопоставить мнение критиков и литературоведов с мнением самого автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 25-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-6

Статья раскрывает этапы в истории изучения книги И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». Выделяются четыре периода: вторая половина XIX века; дореволюционная мысль и литература русского зарубежья; советское литературоведение; постсоветская мысль. Обращение к разным интерпретациям позволяет проследить, как происходит формирование литературоведческого взгляда на текст писателя, а также сопоставить мнение критиков и литературоведов с мнением самого автора.

Ключевые слова и фразы: путешествие; контекст; жанр; история изучения; критика.

Массон Валентина Викторовна

*Омский государственный педагогический университет
valentina_masson@mail.ru*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КНИГИ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ "ПАЛЛАДА"»

Первое издание книги «Фрегат "Паллада"» появилось в печати в 1858 году, на три года позже, чем появился первый очерк путевых заметок: «Ликейские острова» были опубликованы в № 4 журнала «Отечественные записки» [7]. Гончаров в предисловии готовит читателя к появлению целого цикла путевых очерков. При жизни Ивана Александровича текст его произведения был опубликован шесть раз, в разные годы с 1858 по 1886.

Традиционно исследователи обращаются к произведению «Фрегат "Паллада"», выстраивая контекст творчества писателя. Поэтому условно изучение книги «Фрегат "Паллада"» можно разделить на четыре периода: 1) критический взгляд современника; 2) обращение к произведению критиков русского зарубежья и дореволюционная мысль; 3) осмысление литературоведами советской школы; 4) постсоветская мысль и современное гончароведение.

Критика не раз обращалась к этому произведению, но отзывы были самые разные: одни подчеркивали талант мастера описывать происходящее, а другие сетовали на обилие скучных деталей.

Критический взгляд чаще всего выстраивался в соотношении «Путешествия» с ранее опубликованными произведениями Н. М. Карамзина (1792), Д. И. Фонвизина (1806), А. Н. Радищева (1790). Так, А. Г. Цейтлин в книге «И. А. Гончаров» [33] пишет о том, что одним из первых откликов на книгу стала статья В. П. Попова «Кругосветные путешествия г. Гончарова», опубликованная в «Молве» за 1852 год. Автор обвинил Гончарова в излишнем внимании к деталям (особенно на гастрономическую составляющую плавания и лишения в пути):

«Ни одна шишка, полученная им при качке, ни одна рана, нанесенная москитами, ни голод, ни холод – ничего не забыто! ...много таланта истрачено на эти пустяки! ...несмотря на ловко обрисованные картины природы, существенного, относящегося к посещенным автором странам, вы почти не встретите. Правда, он сам, чувствуя это, говорит, что писал для друзей, что описывал только то, что видел; пусть же друзья и восхищались бы этим! Зачем же было печатать, да еще назначать баснословную цену за свое произведение» [Там же, с. 142]. Точка зрения Попова обратила на себя внимание читателей, однако оказалась в меньшинстве, конечно, были и другие нелестные замечания современников, но они более относились к цензурской деятельности писателя (так, например, фельетон Герцена, опубликованный в «Колоколе». В нем критик говорит о японском цензоре «Гон-ча-ро», отрицательно отзываясь о профессиональной деятельности) [6, с. 104].

А. В. Дружинин высоко оценил достоинства текста: «Знаменитейшие и правдивейшие путевые рассказы читаются, как нечто придуманное, мастерски сочиненное, увлекательно построенное, невероятное, странное, полуфантастическое... Господин Гончаров... похож на туриста менее, нежели все остальные путешественники. Оттого он оригинален и национален, оттого его последняя книга читается с великим наслаждением» [13, с. 118]. Таким образом, критик на первый план выдвигал художественную составляющую текста.

Также одной из первых на путешествие откликнулась революционно-демократическая критика: Н. А. Добролюбов выступил с положительной оценкой произведения, отметив эпический талант Гончарова, простоту и доступность изложения: «г. Гончаров вышел из обыкновенной колеи, сбросил с себя условия, которые риторика и рутина под разными предлогами стараются наложить даже на путешествие, и описал свою поездку вокруг света так, что она не похожа ни на какое другое произведение этого рода» [12, с. 159]. Добролюбов отметил, что Гончаров поставил в центр повествования себя, тем самым придал тексту индивидуальность переживаний путешественника, а формой изложения (письма) сузил пространство между читателем, придал отношениям особую интимность, а тексту – поэтическую составляющую: «Классически простое, ясное и веселое, как день, изложение путевых впечатлений и наблюдений человека, одаренного оригинальным умом, поэтическим талантом и глубоко русской природой, всегда найдет ценителей не только в кругу дилетантов, но и в кругу читателей, занятых вовсе не литературными интересами или не сознающих еще этих интересов...» [Там же, с. 161].

Кроме того критики подчеркнули еще одну черту в произведении писателя, без которой современное литературоведение не может представить классического произведения: дидактическую составляющую. Так известный педагог и литературный деятель XIX века Михаил Федорович де-Пуле не просто дал положительную оценку тексту, а предрек ему интерес педагогов-воспитателей, а также интерес юношества: «И по своему содержанию, и по мастерскому языку, принадлежит к числу тех немногих книг, о которых педагогическая критика должна

отозваться с полным одобрением; сочинение это займет почетное место в библиотеке родителей, воспитателей и училищ, и надолго будет капитальным для нее приобретением» [11 с. 16]. Критик не ошибся: не раз текст будет опубликован в школьных хрестоматиях и сборниках, предназначенных для образовательных учреждений.

Интересовали современников писателя и проблемы жанра, так друг Гончарова критик И. И. Льховский [16] пишет рецензию, в которой описывает различия между «Фрегатом „Паллада”» и очерками путешествия, написанными ранее. В подобном ключе размышляет и известный критик Д. И. Писарев: «На книгу г. Гончарова должно смотреть не как на путешествие, но как на чисто художественное произведение <...> В путевых очерках г. Гончарова должны мы искать достоинств другого рода. Заклучая в себе результаты личных впечатлений, выражая собою то, что передумал и перечувствовал художник, они представляют чисто литературные, эстетические красоты; в них мало научных данных, в них нет новых исследований, нет даже подробного описания земель и городов, которые видел г. Гончаров, вместо всего этого читатель находит ряд картин, набросанных смелюю кистью, поражающих своею свежестью, законченностью и оригинальностью» [27, с. 71]. Таким образом, в своем критическом сочинении Дмитрий Иванович считает главной задачей писателя – эстетическую и подчеркивает, что перед нами именно художественное произведение, а не документальное. Однако сегодня мы можем утверждать, что текст прочно вошел в корпус географических сочинений, хрестоматийных дидактических текстов для школьников и т.д. Доказательством последнего является раздел «Различие путевых записок в зависимости от личного взгляда автора» в «Словесности в образах и разборах...» В. Водовозова [3, с. 174-179]. В работе уделяется особое внимание различиям между произведениями «Фрегат "Паллада"» Гончарова (1852), «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (1792) и «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина (1806).

Таким образом, первый критический этап восприятия книги «Фрегат "Паллада"» (вплоть до конца XIX века) обращен к характерам персонажей, особенностям деталей и пейзажа в творчестве Гончарова, идейно-художественному содержанию. В этот период наметились первые тенденции в осмыслении творчества писателя, появились основополагающие концепции: А. В. Дружинина [13], представившего И. А. Гончарова как мастера детали и пейзажа, Н. А. Добролюбова [12], обратившего на внимание на характер главного героя произведения.

Уже в XIX веке наметилась тенденция к осмыслению «Фрегата» как текста, находящегося на границе художественного и нехудожественного. С одной стороны перед писателем стояла четкая эстетическая задача (намеренно избегал фактической стороны, старался писать для большинства, а не для академии), в книге читаем: «Голых фактов я сообщать не желал бы: ключ к ним не всегда подберешь, и потому поневоле придется освещать их светом воображения, иногда, может быть, фальшивым» [9, с. 36], с другой стороны в этом высказывании уже намечается противоречие, т.е. автор стремится к и художественной составляющей, и к достоверности. Он пытается подобрать некий «ключ» к тем или иным фактам, событиям, стремится дистанцироваться от происходящего, осмыслить с позиции философской.

Тенденции, заложенные критиками XIX века, оказались актуальными и в дореволюционный период. Появление новых векторов в изучении произведений писателя связано с формированием различных школ и направлений в отечественной филологии. С. А. Венгеров, представитель культурно-исторического направления, обращает внимание на характеры Гончарова, идейно-тематический комплекс произведений, помимо этого в 1911 г. Венгеров [2] публикует обширную библиографию Гончарова. Психологическая школа исследует внутренний мир автора и персонажей, изучает механизм создания образов, формирование психологических типов героев. Философско-религиозный, символистский контекст понимания творчества Гончарова отразился в работах Д. С. Мережковского [20], А. Л. Волынского [4]. Идейно-содержательный план и систему образов произведений Гончарова социологическая критика рассматривала с точки зрения идеологии, тем самым выдвинув на первый план роман «Обломов» и добролюбовскую концепцию осмысления этого романа, а также взгляд Добролюбова на все романное творчество [26].

К проблеме личности автора и к поэтике гончаровского текста обращались представители русского зарубежья Е. А. Ляцкий, Ю. Айхенвальд, И. Ф. Анненский [18]. В 1923 году в Берлине переиздаются «Силуэты русских писателей» Юлия Айхенвальда, где критик выражает свое мнение о мастерстве писателя. Айхенвальд пишет, что Гончаров несравненный мастер жанра, художник фламандской школы, живописец быта и нравов. Для Айхенвальда Гончаров всего лишь бытописатель, создавший героев с несложным психическим миром. О книге «Фрегат "Паллада"» отзываясь отрицательно: критик считает путешествие напрасным, потому что ничего синтезировать из наблюдений Гончаров не смог, а только «раздробился на мелочи»: «Чем выше поднимается наш писатель над уровнем первобытного, некультурного, элементарного человека, тем бледнее и скучнее становится его кисть, тем дальше уходит он в неопределенные туманности, в литературную белесоватость. Он не сосредоточен, он не собран; ему не достает художественной энергии, драматизма, диалога, непосредственной изобразительности. <...> Страницы (*превращаются*) в какую-то тягучую массу» [Там же, с. 133].

Критический взгляд Ляцкого и Анненского был обращен непосредственно к романам «Обломов», «Обыкновенная история» и «Обрыв». Стоит отметить, что «Фрегат "Паллада"» не является отдельным предметом изучения для представителей всех перечисленных школ, произведение лишь упоминается в этих работах или привлекается как источник биографического материала о писателе.

В литературоведении советского периода были разработаны новые концепции изучения творчества писателя. Основной заслугой советского литературоведения можно считать то, что, несмотря на сугубо идеологический подход, критика этого периода смогла разработать и актуализировать философские, религиозно-эстетические концепции понимания произведений писателя, возродить и опубликовать критическую литературу, посвященную Гончарову. В этот период опубликованы многие архивные материалы (так, найден архив

Б. Энгельгардта, погибшего во время блокады, в котором есть материалы обширного исследования, посвященного «Фрегату "Паллада"»), вышли сборники научных и научно-популярных трудов о жизни и литературной деятельности писателя, также составлены и опубликованы библиографии русских и зарубежных исследований творчества И. А. Гончарова (Библиография писателя в книге «История русской литературы XIX века, Библиографический указатель» под редакцией К. Д. Муратовой [10], библиографическая монография о Гончарове А. Д. Алексеева [1]), М. Поляковым систематизирована критика творчества писателя [28].

В советском литературоведении к творчеству Гончарова, и в частности к произведению «Фрегат "Паллада"», обращаются такие советские критики, как Б. М. Энгельгардт [34], А. Г. Цейтлин [32; 33]. Именно Энгельгардт опубликовал двадцать восемь сохранившихся писем из кругосветного путешествия в издании Литературное наследство за 1935 год (из переписки с Е. А. и М. А. Языковыми, Е. П. и Н. А. Майковыми, И. И. Ляховским, Ю. Д. Ефремовой, А. А. Краевским), а также разработал свою литературную концепцию о тетралогии Гончарова. Традиционно в творчестве писателя гончароведы выделяют трилогию, однако Энгельгардт говорит о том, что «Фрегат "Паллада"» является четвертой частью тетралогии: «Обыкновенная история» – «Обломов» – «Обрыв» – «Фрегат "Паллада"», в то же время критик вводит мысль о том, что текст «Фрегата» уже в самом начале был задуман Гончаровым как прямое продолжение романа «Обломов» [34].

Александр Цейтлин пишет о том, что Гончаров является продолжателем писателей-декабристов: «Творчество Гончарова как художника не только было безраздельно отдано крепостнической России, но и принесло свои плоды по преимуществу в годы, когда она еще продолжала существовать» [33, с. 14]. В своих работах Цейтлин актуализирует историю создания и изучения крупнейших произведений Гончарова, рассматривает поэтику, характерологию произведений, важны работы о творческом пути и методе Гончарова [32; 33].

В 80-90-е гг. XX века появляется ряд работ В. Недзвецкого [22; 23], Н. И. Пруцкова [29], Е. А. Краснощековой [14] и Ю. М. Лощица [15], М. В. Отрадина [25], В. И. Мельника [19], исследующих творчество писателя целостно, с точки зрения историко-литературного контекста, критический взгляд этого периода подчеркивает важность осмысления текстов Гончарова не имманентно, а в диалоге с другими произведениями. Творчество романиста XIX века представляется как самостоятельная художественная система, уникальный эстетический феномен. Появляются новые аспекты изучения творчества писателя. Недзвецкий, размышляя о жанровой природе книги «Фрегат "Паллада"» Гончарова, вводит понятие географический роман (вслед за М. М. Бахтиным) [23]. Н. И. Пруцков [29], Е. А. Краснощекова [14], М. В. Отрадин [25], рассматривая контекст романного творчества писателя, на первый план выдвигают историко-философскую концепцию произведения, а также проблему национального русского характера и национальной русской судьбы; анализируя эстетику творчества Гончарова, актуализируют философско-эстетические представления писателя, их место в литературном процессе. В. И. Мельник [19] обращается к религиозному плану текстов писателя, раскрывает их имманентность и в то же время повторяемость в разных произведениях писателя.

Стоит отметить, что в период 90-х и 2000-х появляются работы не только представителей российской филологической мысли, гончароведение активно расширяется за счет представителей европейских научных школ. На современном этапе изучение творчества писателя представлено в трудах следующих ученых: Е. И. Ляпушкина [17], Л. С. Гейро [5], Т. И. Орнатская [24], А. Молнар (Венгрия) [21], Е. А. Краснощекова (на настоящий момент США) [14], К. Савада (Япония) [35] и др.

Таким образом, отличительной чертой большинства исследований является то, что они обращены в основном к романному наследию писателя. Анализ же книги «Фрегат "Паллада"» не является первостепенной задачей, поэтому историю осмысления книги мы проследили в русле хронологии изучения творчества Гончарова.

Обращение к истории изучения книги «Фрегат "Паллада"» подтвердило: традиционной точкой зрения в гончароведении стала мысль о том, что создатель Обломова всего лишь замечательный жанрист, талантливый бытописатель, мастер художественной детали, сам Гончаров был не согласен с таким взглядом на свое творчество. В критической заметке «Лучше поздно, чем никогда» он пишет, что получал письма любителей литературы, критиков, статьи были наполнены похвалами, относившимися к его «живописи»: «В моих романах находили целые "галереи" картин, лиц, портретов, за которые хотели поставить меня на высокий пьедестал в литературе» [8, с. 444]. Гончаров скептически относился к таким посланиям: «Эти похвалы имели бы для меня гораздо более цены, если бы в моей живописи, за которую меня особенно хвалили, найдены были те идеи и вообще все то, что, сначала инстинктивно, потом, по мере того как подвигались мои авторские работы вперед, заметно для меня самого, укладывалось в написанные мною образы, картины и простые, несложные события» [Там же]. Ведь каждая деталь, даже мастерски созданная, это часть целого. Детализация предметного мира в художественном тексте неизбежна, это суть образа, но важно помнить, что все детали текста организуют единое целое, подчиненное определенной авторской воле, мысли. Как мастер синтезирующий, Гончаров не мог принять невнимательности от своего читателя, который за портретами, деталями и мелочами не стремился раскрыть могучее целое: «Иные не находили или не хотели находить в моих образах и картинах ничего, кроме более или менее живо нарисованных портретов, пейзажей, может быть живых копий с нравов и только. За что же тут хвалить? Разве так трудно вообще для таланта, если он есть, нагромоздить в кучу лица провинциальных старух, учителей, женщин, девиц, дворовых людей и т.п. Что за заслуга?» [Там же, с. 67]. Таким образом, для самого писателя важен был именно целостный взгляд на текст, читатель, по мысли Гончарова, должен был увидеть не просто галерею образов в романах, портретах, пейзажах, а проследить авторское организующее начало, постичь глубокий смысл романного целого.

В конце XIX века выдающийся философ Владимир Соловьев напишет «Три речи в память Достоевского», где скажет, что Гончаров создал не просто индивидуальный образ, а обобщил в своем главном герое определенные черты – создал всенародный тип: «Кроме Достоевского, все наши лучшие романисты берут окружающую их жизнь так, как они ее застали, как она сложилась и выразилась, – в ее готовых, твердых и ясных формах. Таковы в особенности романы Гончарова и гр. Льва Толстого. Оба они воспроизводят русское общество, выработанное веками (помещиков, чиновников, иногда крестьян), в его бытовых, давно существующих, а частью отживших или отживающих формах. Романы этих двух писателей решительно однородны по своему художественному предмету при всей особенности их талантов. Отличительная особенность Гончарова – это сила художественного обобщения, благодаря которой он мог создать такой всероссийский тип, как Обломова, равного которому по широте мы не находим ни у одного из русских писателей...» [31].

Сегодня критика утверждает, что видеть в Гончарове всего лишь «блестящего жанриста» (С. А. Венгеров [2]) или творца «типических представителей» того или иного русского сословия, каким видели И. А. Гончарова его современники, нельзя. Автор «Фрегат "Паллада"» законно занял подобающее ему место в ряду таких «вечных спутников» (Д. С. Мережковский [20]) человечества, как Сервантес, Шекспир, Гоголь, Толстой и Достоевский.

Список литературы

1. **Алексеев А. Д.** Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова / ИРЛИ: под ред. Н. К. Пиксанова. М. – Л.: Изд-во АН СССР (Ленингр. отд-ние), 1960. 367 с.
2. **Венгеров С.** Гончаров И. А. // Энциклопедический словарь: в 41 т. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон, 1983. Т. IX. Гоа – Гравер. С. 200-205.
3. **Водовозов В.** Различие путевых записок от личного взгляда автора // Словесность в образах и разборах с объяснением общих свойств сочинения и главных родов прозы и поэзии. СПб., 1868. С. 174-189.
4. **Вольнский А. Л.** Русские критики. СПб., 1896. С. 112-120.
5. **Гейро Л. С.** Гончаров Иван Александрович // Русские писатели 1800-1917: биограф. словарь: в 5-ти т. М., 1989. Т. 1. А – Г. С. 624-632.
6. **Герцен А. И.** Необыкновенная история о цензоре Гон-ча-ро из Ши-пан-ху // Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М., 1958. Т. 13.
7. **Гончаров И. А.** Ликейские острова // Отечественные записки. 1855. № 4. С. 239-268.
8. **Гончаров И. А.** Лучше поздно, чем никогда. Собрание сочинений: в 8-ми т. М., 1952-1955. Т. 8. 576 с.
9. **Гончаров И. А.** Фрегат «Паллада» // Собрание сочинений: в 6-ти т. М., 1972. Т. 1. 352 с.
10. **Гончаров Иван Александрович** // История русской литературы XIX века: Библиогр. указ. / под ред. К. Д. Муратовой. М. – Л.: АН СССР, 1962. С. 247-256.
11. **Де-Пуле М. Ф.** «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия Ивана Гончарова: в 2-х т. СПб., 1852 // Атены. 1858. № 44. Ч. 4. С. 1-16.
12. **Добролюбов Н. А.** «Фрегат "Паллада"». Очерки Путешествия И. Гончарова: в 2-х т. // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. М. – Л.: Гослитиздат, 1962. С. 159-161.
13. **Дружинин А. В.** Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. Из путевых заметок И. Гончарова // Дружинин А. В. Прекрасное и вечное / сост. Н. Н. Скатов. М., 1988. С. 118-141.
14. **Краснощекова Е. А.** И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.
15. **Лоциц Ю. М.** Несовершенный человек («Обломов») // Лоциц Ю. М. Гончаров. М., 1986. С. 172-208.
16. **Льховский И. И.** «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова: в 2-х т. СПб., 1858 // Библиотека для чтения. 1858. № 7. Лит. летопись. С. 1-11.
17. **Ляпушкина Е. И.** Русская идиллия XIX века и роман И. А. Гончарова «Обломов». СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 148 с.
18. **Мастер русского романа И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья:** сборник документов и материалов / отв. ред. В. А. Недзвецкий. М.: Федеральное архивное агентство, РГАЛИ, 2012. 464 с.
19. **Мельник В. И.** Гончаров и Православие. Духовный мир писателя. М.: ДАРЪ, 2008. 544 с.
20. **Мережковский Д. С.** И. А. Гончаров // Труд. 1890. № 24. С. 588-612.
21. **Молнар А.** Поэтика романов И. А. Гончарова. М., 2004. 157 с.
22. **Недзвецкий В. А.** И. А. Гончаров – романист и художник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 175 с.
23. **Недзвецкий В. А.** «Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова: загадка жанра // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1993. Т. 52. № 2. С. 43-55
24. **Орнатская Т. И.** «Обломов» ли Илья Ильич Обломов? (К истории интерпретации фамилии героя) // Русская литература. 1991. № 4. С. 229-230.
25. **Отрадин М. В.** Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 168 с.
26. **Переверзев В. Ф.** Творчество Гончарова. У истоков русского реализма. М.: Современник, 1989. С. 455-663.
27. **Писарев Д. И.** «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия И. Гончарова: в 2-х т. СПб., 1858 // Рассвет. 1859. Т. 1. № 2. С. 68-71.
28. **Поляков М.** Гончаров в оценке русской критики // Гончаров И. А. в русской критике: сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. С. 3-26.
29. **Пруцков Н. И.** Мастерство Гончарова-романиста. М. – Л., 1962. 230 с.
30. **Рыбасов А. П.** Примечания // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952-1955.
31. **Соловьев В. С.** Три речи в память Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pereplet.ru/library/text/63/r.2/> (дата обращения: 01.07.2016).
32. **Цейтлин А. Г.** Гончаров // Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 2. С. 616-626.
33. **Цейтлин А. Г.** И. А. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 491 с.
34. **Энгельгардт Б. М.** Путешествие вокруг света И. Обломова. Главы из неизданной монографии // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования / ИМЛИ РАН. М., 2000. С. 15-74.
35. **Sawada K.** Bibliography of Japanese Studies on Goncharov // Bulletin of the Waseda University Library. Tokyo, 1983. № 22-23. P. 74-99.

THE HISTORY OF STUDYING THE BOOK BY I. A. GONCHAROV "FRIGATE "PALLADA"

Masson Valentina Viktorovna
Omsk State Pedagogical University
valentina_masson@mail.ru

The article discovers the stages in the history of studying the book by I. A. Goncharov "Frigate "Pallada"". The author distinguishes four periods: second half of the XIX century; pre-revolutionary thought and Russian literature abroad; Soviet literary criticism; post-Soviet thinking. Analyzing different interpretations allows tracing how the philological view on the mentioned text forms and comparing the critics' and philologists' view with the view of the writer himself.

Key words and phrases: journey; context; genre; history of studying; criticism.

УДК 821.521

Статья раскрывает особенности речевой характеристики женских персонажей романа Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи», которая играет существенную роль в портретных характеристиках персонажей романа в целом. Целью исследования является анализ различных проявлений речевой характеристики героинь. Результатом исследования стало выявление ключевых аспектов портретной характеристики, а также влияние их на место романа в литературе раннесредневекового периода.

Ключевые слова и фразы: японская литература; литературоведение; речевая характеристика; женские персонажи; характеристика почерка; поэтическая характеристика; характеристика персонажей.

Петренко Наталья Юрьевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
natashapetrenko@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ МУРАСАКИ СИКИБУ «ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ»

Настоящее исследование посвящено роману Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи», написанному в начале XI века, и имеет своей целью рассмотрение одного из аспектов портретной характеристики женских персонажей романа – речевой характеристики. Данный аспект проанализирован в нескольких позициях:

1. собственно реплики героинь и их характер;
2. роль реплик в сюжетно-композиционных построениях;
3. поэтические вставки и их характер;
4. характеристика голоса героини;
5. характеристика почерка героини.

В качестве причин важности рассмотрения речевой характеристики можно выделить сразу несколько положений:

1) Японская литература этого периода значительно уступает современной ей литературе Европы или Ближнего Востока по части описания физической внешности героев, которая также является существенной частью портретной характеристики и способом выражения авторского замысла. Японцы начинают проявлять интерес к человеческому телу только под влиянием западной культуры, до того момента описания внешности сводятся к отдельным деталям и не являются психологической портретной деталью, как мы это видим в западной литературе. Количество деталей физической внешности в раннесредневековой японской литературе нарастает по мере хронологического приближения к «Повести о Гэндзи», где мы обнаруживаем максимальное для этого периода количество таких деталей, после написания романа статистика вновь стремится к отрицательным показателям. Однако большое количество деталей физической внешности романа не следует относить к внезапно возникшему интересу писательницы к внешним признакам героинь. Скорее, здесь речь идет о стремлении через детали внешности передать понятие красоты и утонченности; также немаловажную роль играет композиционная составляющая: ввиду того, что в романе функционирует около ста женских персонажей, некое различие по внешности необходимо для удобства ориентации слушателей и читателей произведения. Безусловно, детализация внешности, которая наличествует в романе, делает ему честь на фоне произведений этого периода, однако не следует смотреть на это как на самоцель.

2) Следует иметь в виду, что характер взаимоотношений мужчин и женщин в Японии в раннем Средневековье имел ряд особенностей, одна из которых особенно интересна в контексте данного исследования. В Хэйанской Японии женщина аристократического происхождения вела замкнутый образ жизни (это не распространялось на дам, состоящих на придворной службе), и ее могли видеть и слышать ее голос только самые близкие к ней мужчины и женщины. Ограничений в контактах с мужчинами было гораздо больше, фактически мужчина, ухаживая за женщиной и сватаясь к ней, часто не имел представления о ее внешности, а сообщение между ними шло в режиме обмена письмами. В таких условиях гораздо более важными характеристиками достоинств или недостатков женщины оказываются почерк, стиль и уместность стихотворения в рамках положенного обмена письмами, голос и его тембр, степень ее образованности, то есть умение по случаю цитировать стихотворения других авторов [3, р. 199-201]. Отсюда можно сделать вывод о колоссальной значимости, отводимой речевой характеристике.